

Есть такая расхожая мысль: классная проза возникает из густоты смыслов, а густота смыслов определяется их философским существованием. Короче, настоящий писатель всегда пишет о жизни и смерти, то есть о самом главном. По-видимому, это так... Что же тогда сказать в заключение? Наверное, вот что: вплоть до начала XVIII века всякий художник сам смешивал себе краски. Кстати, и сегодня в Венеции любой жаждущий может прийти в специальный магазин и купить себе пигментов из мешочка. Смешать и работать по-своему. Так и Борис Бартфельд сам смешал свои краски и сработал по-своему, сработал для нас роман «*Возвращение на Голгофу*».

Евгений ЧИГРИН

БОСТОНСКИЕ ЧАЕПИТИЯ ПОЭТОВ

Альманах поэзии. Составители Анна Агнич и Александр Бархавин, предисловие Леопольда Эпштейна. Бостон: M-Graphics Publishing, 2017.

Из предисловия Леопольда Эпштейна можно узнать, где и как собираются на бостонские чтения те из поэтов, кто живет в Бостоне, и те, кто прибыл из других городов и стран. Они приходят в подвальчик, что уже само по себе привлекательно, к тому же атмосфера вокруг неформальная, на стенах разные интересные картины и фотографии, на столе — легкое угощение, чай, кофе, сласти, принесенные участниками. В такой приятной, снимающей с посетителей тяжесть дневных трудов обстановке читаются и обсуждаются стихи. «Чтения», устраиваемые Анной Агнич и ее мужем Александром Бархавиным, приобрели популярность среди русскоязычных поэтов и культурной интеллигенции города, спустя три с половиной года после их начала явился на свет сборник, выпущенный бостонским издателем Мишей Минаевым, человеком, о котором я неоднократно писала, взявшим на себя миссию печатать все лучшее, что создано на русском языке в Америке.

Эта небольшая книжка в мягкой обложке зеленых тонов (оформители Александра Розенман и Натали Коен) лежит сейчас передо мной и ждет, что я о ней выскажусь. Что ж, грех не сказать о труде коллег, работающих на ниве русской литературы в Америке! Другое дело, что нелегко говорить о творчестве даже одного поэта, а в сборнике их тридцать пять. Тридцать пять разных поэтических миров.

У каждого свое лицо — и не только в переносном смысле, в самом прямом. Стихотворные подборки сопровождаются фотографиями или, лучше сказать, фотопортретами. Большая их часть сделана бостонкой Анной Голицыной, и я порадовалась ее возросшему мастерству, умению схватить то самое выражение, которое коррелирует с душой, то бишь с поэтической струной.

В альманахе два раздела: «Авторские вечера», где представлены поэты, выступавшие на организованном для них вечере, и «Открытый микрофон» — с включенными в него стихами поэтов-участников свободных чтений.

Первым номером в сборнике идет Владимир Гандельсман, поэт известный и признанный, живущий в Нью-Йорке и в Санкт-Петербурге. Бостонцы устроили у себя его поэтический вечер. И тут мне захотелось сказать вот о чем. Уже давно замечаю некоторое разделение поэтов в зависимости от их поэтики на два порой не слишком различимых лагеря. Один можно условно назвать «пушкинский», другой, тоже очень условно, «мандельштамовский». Второй лагерь отличается от первого тем, что поэт сознательно уходит от линейных описаний внешнего мира, используя его отдельные элементы, а также метафоры и ассоциации в качестве выразителя мира внутреннего. Таковую поэзию, как правило, нужно разгадывать. Самый простой пример

мандельштамовское: «Бессонница. Гомер. Тугие паруса. / Я список кораблей прочел до середины». Этот ассоциативный ряд мы должны разгадать, сложив подсказки автора в некоторую картину: во время бессонницы поэт читает «Илиаду» Гомера, доходит до чтения списка ахейских кораблей, преодолев его только наполовину... Для меня оба направления хороши, если за стихами стоят мысль и чувство. И оба плохи, если в стихах мы сталкиваемся просто с игрой словами. У Владимира Гандельсмана, поэта «мандельштамовского» направления, каждое слово несет за собой смысл. Стихи его читаются нелегко, но в этом есть определенная прелесть. Вот удивительная «Элегия. Семейная сага», где в неспешных восьмистрочных строфах с диссонансными и ассонансными рифмами рассказано о жизни и смерти одной близкой поэту семьи.

Вот ее конец:

Закат. Лег через сорок «новый мальчик»
погибнет, а отец (тот «нежный сын»),
болеельщик, будет сутками один
смотреть бесстрастно, как гоняют мячик.
Когда-нибудь ударят по мячу
последний раз, и к сыну, не перечая,
сойдя, он молвит; я заждался встречи.
И скажет сын: пойдём, я посвечу.

Потрясающий образ: сын, умерший раньше отца, в «том» мире служит ему вожаком и подсвечивает путь.

Стихи Владимира Гандельсмана собраны очень продуманно, они опираются на некий фундамент «семейной элегии» и продолжают цикл «В городах», рассказывая о разных местах на земле, начиная с нью-йоркского сабвея и кончая египетской Александрией. Все очень узнаваемо и зримо.

SUBWAY

...Китаец и китаянка
планетоподобными лицами
сближаются, и гремит
бомжа-побирушки жестянка.
Расставив ножища, полиция
Родину не посрамит.

Грядки круглоголовые —
то спящие луковки слезные,
то крупные кочаны,
наушниками подкованные,
то гречкие скрупулезные
скорлупы — летят в ночи.

Как хороши метафоры детей, спящих в метро, — «спящие луковки слезные», взрослых — «крупные кочаны», молодежи, сидящей в наушниках, — «гречкие скрупулезные скорлупы», и все они вместе — «летят в ночи». От Владимира Гандельсмана оторваться трудно.

Есть в сборнике стихи такого же «мандельштамовского» направления, которых — увольте — я не понимаю. Возможно, не хватает образования, или ума, или чего-то еще, ведь другие-то понимают: вот в биографической справке сказано, что эти стихи и стихотворные переводы «печатались в периодических изданиях и стихотворных антологиях, были переведены на английский, шведский и вьетнамский языки, а также вышли пятью отдельными сборниками» в разных издательствах. Говорю о Хельге Ольшванг (Ландауэр). Пусть простит меня автор, но — не понимаю.

Убористый,
влечет себя назад песок,
сползает запись дня.
Помарки бересты.
Зверьки в пазах
письма видны.
Скажи, куда несут,
опустоши, закинь,
за холм, добавь
к земле, на место буковку, закон
впиши. Побыв
живым, забывчивая нефть
должна уплыть
из раны в рану, время зачернить,
края стянуть.

Почему-то читая подобное, я всегда вспоминаю давно ушедшего, но незабываемого, блестящего Александра Иванова, мгновенно ухватывающего стилистику автора и выдающего пародию. Здесь из песка, бересты и забывчивой нефти наверняка было бы сотворено нечто утоляющее жажду — искристое и пенное.

Обратила внимание на то, что большая часть поэтов сборника — бывшие ленинградцы. Не потому ли, что Петербург—Ленинград по старой российской традиции, возобновленной в XX веке, — город поэтов? Далеко не у всех просвечивают корни. У Игоря Джерри Кураса просвечивают. В стихотворении «Запах яблока и апельсина» — о запахах детства, едва ли не пионерского: «Вот березка, а с ней рябина, да над речкой висят ракиты: / те же яблоки-апельсины / позабытые — не забыты».

Все ли читатели вспомнили известную песню Кабалевского «То березка, то рябина», распеваемую в пионерских лагерях? Есть у этого молодого, судя по фотографии, поэта стихи философского звучания. Одно мне хочется привести, могу под ним подписаться:

Я не знаю название деревьев и звезд имена не знаю.
Я с трудом понимаю законы, что движут мою машину.
Если ехать все время прямо, я знаю, — приедешь к краю
Океана, где встречный ветер тугую несет парусину.
До сих пор не могу понять, как же ходят они против ветра,
И не знаю, как чайки умеют висеть там, где волны дышат.
Иногда я зову имена живых, только нет ответа.
И тогда я шепчу имена ушедших — и что-то слышу.

Поэт Леопольд Эпштейн не ленинградец, родился в Виннице, но вот поди ж ты — пишет царпающие душу стихи о Васильевском острове, о юности, о надеждах...

Вспомнился вдруг Васильевский остров,
Конечная остановка трамвая сорок,
Мартовский вечер, ледка короста,
Замерзших веток прозрачный шорох.

Вспомнились надежды, плохая обувь,
Разговоры сомнительного замеса —
И время, у которого никаких особых
Примет не осталось, за исключением места.

Нет, это не жалоба, поэт в стихах этой подборки на редкость стоек, сосредоточен и трезв. Да, все проходит, наступает старость, но:

Нельзя смотреть на вещи хмуро,
Давленье чувствуя в ушах.
Жизнь — как прогулка Эпикура:
Осенний сад, спокойный шаг.

Это какой-то новый Леопольд Эпштейн, мне неизвестный. Много лет назад, приехав в Бостон и попав на поэтический вечер этого поэта, я поразились мощному звучанию его стихов, его мятежному духу, его провидению катастрофического будущего. В представленной подборке все гораздо спокойней и взвешенней, сказывается пришедшая с годами мудрость: «Жизнь случайней, чем я себе вообразил. / И спасибо за это».

Еще одна знакомая мне по прежним встречам — бостонская поэтесса Марина Эскина. Тоже, кстати, петербурженка. Подборка, представленная ею, показалась мне едва ли не лучшей в сборнике. Здесь и о любви, и о жизни — с грустью и надеждой, а иногда с иронией, вернее — самоиронией:

...подождем серафима
шестикрылого, нам подавай — лгунам,
пересмешникам, горюнам —
жечь глаголом, углем гореть,
видеть, слышать, дышать, терпеть,
гнать, зависеть, не умереть.

Как искусно поэтесса, окончившая известную ленинградскую физматшколу, а затем физфак ЛГУ, вплетает в стихи заученные на уроках русского языка глаголы второго спряжения, отклоняющиеся от общего правила: видеть, слышать, дышать, терпеть... И как снайперски точно она стихотворение заканчивает, изменяя глагол из учебника «умереть» своим глаголом-антонимом — «не умереть». Извечные темы поэта — страх смерти, ужас одиночества — даны у Марины Эскиной без сантимента и слезы, но очень поэтично.

Птицы знают все о любви, о смерти,
слышишь: чивик, чивик... Мне давно в конверте
только счета приходят, письма остались в прошлом...

Это начало стихотворения «О весне». А вот его конец:

Мне бы хотелось тоже тесней прижаться
к жизни, к тебе, не в ужасе, но от жалости,
за окном две елки под ветром сплетают ветки,
как подруги-погодки, может быть — однолетки.

Этот возникающий в конце стихотворения образ сплетающих ветки елок — извечная поэтическая мечта, идущая еще от романтиков, — о родной душе, вместе с которой легче противостоять непогоде.

Точно выбрал стихи для своей подборки и Григорий Марговский. Его биография бунтаря (отчислен с третьего курса белорусского политеха в связи с антисемитской кампанией, из-за общественной деятельности не был принят в СП России, сменил множество профессий и несколько стран) видна в стихах.

По форме стихотворение «Прогульщики» напоминает «уголовный фольклор», однако форма вступает в спор с утонченными рифмами. Сразу вспомнилось, что Григорий одно время издавал в Бостоне изысканный поэтический альманах «Флейта Эвтерпы».

Какая в городе погода тихая!
Мобильник выруби и побродяжь.
Таможня бывшая, часами тикая,
Возьмет прогульщиков на карандаш.

В стихотворении «Бабушка» поэт обращается к приемной матери своей мамы, Ольге Ефимовне Гиберман, с признанием своей на нее похожести:

Но уж навечно останется
В сердце наивность твоя,
Пусть я задира и пьяница
И отступились друзья.

Поэт Александр Габриэль, как и Григорий Марговский, минчанин и, пожалуй, одного с ним поколения. Когда-то в Бостоне слышала их обоих на совместном поэтическом вечере. С тех пор часто встречаю имя Александра Габриэля в толстых журналах, знаю, что он победитель нескольких конкурсов.

В его подборке много романсовости, легкости. Встретила среди прочего такую строчку: «Писать легко. Труднее не писать» — и вспомнила, как говорится, от противного девиз «Серапионовых братьев»: «Здравствуй, брат, писать очень трудно».

Заинтересовало меня стихотворение, помещенное в конце подборки. Оно трехчастное, причем первые две части графически записаны как проза, без выделения строк и строф, при том, что их поэтический размер вполне регулярный и легко определяется — трехстопный амфибрахий и трехстопный анапест. Это, пожалуй, одна из немногих в сборнике игр с формой, а точнее сказать, с графикой. Называется стихотворение «Хроника трех империй» и посвящено, как я поняла, СССР, Америке и некой третьей империи Духа, которой автор отдает предпочтение.

Две Империи — где-то снаружи,
А одна, всех важнее —
внутри.

Вывод, однако, не нов. В первой части стихотворения звучит ностальгическая нота, все же в СССР не все, по мысли поэта, было плохо, в то время как в описа-

нии Америки нет ни единой светлой черты: «про страну, где юристов — как мух, и любой норовит на рожон; про страну молодых старух и утративших женственность жен?!»

Все согласятся, что при таком восприятии этой «второй Империи», выбранной для житья, поэту остается только жизнь духа.

Еще один поэт, у которого я нашла «игру с графикой», — Мария Рубина. Стихотворение, написанное четырехстопным хореем, записано на бумаге как проза. По одной подборке трудно судить о незнакомом поэте, Мария Рубина была мне интересна. В том самом «хореичном» стихотворении обыгрывается мотив «бега времени» Пастернака. Его строчки из известного стихотворения «Снег идет, снег идет» — «не оглянешься — и святки... смотришь, там и новый год» — закольцовывают текст Рубиной, в котором, можно сказать, царствует литература.

Рубина работает с литературными цитатами: «В небе лунная дорожка, а по ней идет луна, и сиреневая кошка приуныла у окна. Небеса над головою. Сердце, в прошлое летя, то, как зверь, порой завоет, то заплачет, как дитя». Мне показалось, что эти стихи — шутовская, но и горьковатая на вкус констатация замкнутости нашего интеллигентского мира, построенного как на сваях — на знакомых с детства поэтических строчках. И знаете, о чем я подумала? Какое счастье, что мы можем услышать эту литературную переключку, это эхо, вызванное предшественниками, и как ужасно сознавать, что уже наши дети, скорей всего, ничего этого не услышат и не поймут...

Еще две замечательные ленинградки-стихотворки, склонные к юмору и насмешке, — Наталья Резник и Ирина Акс, стихи обеих давно знаю и люблю. Читая ту и другую, порой не знаешь, смеяться или плакать. Вот стихотворение Натальи Резник «Красавица и чудовище». Красавица обменивается с чудовищем письмами, она живет своей жизнью, воспитывает детей, работает, готовит, он (оно) — своей, с письмами-перебранками, с женой, которая, зная о существовании красавицы, мучает его и мучается сама... В сущности, обрисован безвыходный «треугольник» Бориса Пастернака. Такая вот совсем несказочная человеческая драма. Есть у Натальи Резник стихи, о которых я уже писала в какой-то из рецензий, — они точно выражают состояние души многих эмигрантов из России, приехавших в Америку: «Эту я полюбить не в силах. / И другой — уже не хочу».

Ирина Акс больше ориентирована на юмор, на каламбурный выверт, а иногда и на жесткую сатиру. И, однако, есть у нее и стихи, о которых не скажешь, что они юмористические, вот такое, к примеру, прелестное восьмистишие:

АФРОДИТА

Без макияжа, с мокрыми волосами,
в прошлогоднем выгоревшем бикини,
не интересуюсь ни зеркалом, ни весами
(зачем, если все равно — богиня),
узнавать о себе свежие сплетни
интимного свойства: когда и с кем,
и идти — красивой, двадцатидвухлетней
в свои неполные шестьдесят семь.

Если заговорили о юморе, то к этим великолепным авторам-женщинам необходимо добавить «мужичка» Германа Лукомникова, «классика минимализма», как называют его в биографической справке. В Бостоне его слушали по скайпу, и фотография автора, сделанная по скайпу, чем-то напоминает его гротесковые миниатюры.

тюры. Впервые я услышала Германа Лукомникова на канале «Культура» в передаче Александра Гаврилова «Вслух». Жаль, что эта прекрасная передача о поэзии исчезла с экрана... Лукомникова можно цитировать бесконечно, это и смешно, и остроумно, и коротко.

Я действительно живу,
Или это дежавю?

* * *

К нам идет цунами.
Оставайтесь с нами.

Последнее двустихие очень актуально в наши беспокойные дни и очень нехарактерно для альманаха, достаточно камерного по своей тематике.

Встретилась в сборнике со старым знакомым — поэтом и переводчиком испаноязычных авторов Павлом Грушко. Вся его подборка состоит в основном из посвящений: «Кириллу моей души» — это любимому сыну, «Маше» — это жене, «Лене Кореновой» — сестре жены, «Лиле и Максиму Лившиным» — друзьям-бостонцам, которых и я знаю и люблю. Хочу привести стихотворение, посвященное кубинскому собрату Павла Грушко Элисео Диего. Получился гимн Слову, мастерски написанный в старинной форме сонета.

ВЕСЫ

Все крошится, все клонится к нолю,
то разрастется, то увянет снова,
а я — дитя неведомого зова —
зачем родился, мыслю и люблю?

Попад нежданно в эту колею,
где я останусь муравьем былого,
быть может, я вмещу в облатку слова
небесный звук — и тем себя продлю?

На плахе жизни, в торопливой смене
поспешных мыслей и обыкновений
молчишь. Но вдруг в качанье вечных чаш,

на неустанном этом коромысле
забьется слово, теплый отсвет мысли,
разумный звук, застенчивая блажь.

Еще совсем недавно бостонцем был Наум Моисеевич Коржавин, сейчас он живет рядом с дочерью, в штате Северная Каролина. В сборник его стихи не вошли. А вот стихотворения недавно умершего поэта коржавинского поколения Александра Вольпина (1924—2016), сына Сергея Есенина, известного правозащитника, составители в альманах включили.

Поразительно, но стихи Вольпина, написанные в период сидения на Лубянке и отправки в лагерь в Караганду (1949—1951), легко могли быть сочинены в наше время каким-нибудь новым Ильдаром Дадиным.

Я вчера еще резвился на полянке,
Засыпая, я не думал про тюрьму —
И, однако, я очнулся на Лубянке,
До сих пор еще не знаю — почему.

Хороша подборка Кати Капович, нашла в ней одно только американско-бостонское стихотворение, в самом конце. А так все мотивы российские, даже, как кажется, нижнетагильские. Там Катя училась в институте. Давно обратила внимание на ее стихи и рассказы — безыскусные, без поэтизмов и красотостей, очень безжалостные к себе и несущие несомненную печать таланта.

Приведу только начало и конец одного стихотворения:

Я ходила по грязному полю в больших сапогах,
собирала гнилую картошку в уральском колхозе,
научилась крутить самокрутку и прятать в кулак,
кольца дыма пускать на морозе...

Шел с утра мокрый снег. На развилке завяз грузовик,
матерился водитель. Вокруг было небо и поле.
Начиналась зима в сентябре, и душа напрямик
Устремлялась из мест злочлоченья на волю.

Но остановлюсь, хотя назвала далеко не всех, даже среди известных поэтов.

В разделе «Открытый микрофон» не могу не отметить поэтессу, опять из Ленинграда, Нину Басанину, знаю ее как человека с тяжелой судьбой: ее отец в сталинщину был назван «врагом народа» и расстрелян, Нина ребенком узнала, что такое бесприютность. Стихи Нины Басаниной всегда отточены — и по мысли, и по исполнению, будь то четверостишие или венки сонетов, изощренная стихотворная форма, подвластная далеко не всем. В подборке, естественно, нет венков сонетов, но четверостишие Басаниной я приведу:

Снести обиду без упреков злых,
Сдержат язык от проповедей нудных.
Уметь смолчать — бывает так же трудно,
Как мысли уложить в короткий стих.

Подводя некоторый итог, скажу вот о чем. Десять лет назад я отозвалась рецензией (Ирина Чайковская. Бегство от пустоты // Нева. 2007. № 6) на выпущенную в Бостоне антологию «Заполнение пустоты. Русская поэзия Новой Англии» (редактор-составитель Марк Чувльский). Отраднo, что за эти десять лет русскоязычная поэзия в Новой Англии не умерла, в Бостоне возник новый поэтический клуб, выпустивший антологию. Она показалась мне камернее предыдущей и, может быть, чуть приглушенней по интонации. В нее вошли далеко не только поэты Новой Англии или города Бостона, а и «гости» из других американских городов и из России. И это знак нашего времени, времени «Всемирной сети», соединяющей континенты, страны и города. Поздравляю коллег из Бостона и всех любителей поэзии с выходом еще одной интересной поэтической антологии!

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ